

Шэнь Ся пытался представить себе причину смерти. Уход из жизни в столь юном возрасте обычно списывают на несчастный случай или тяжёлую болезнь, но самоубийство даже не приходило ему в голову.

Он замер, потрясённый. Осознание того, что младший брат Ю Юаня сам решил оборвать свою жизнь, расставило всё по местам: и причины застарелых конфликтов, и истоки взаимных обид между матерью и ним.

Ю Юань не удивился его реакции. Он отвёл взгляд и обвёл глазами присутствующих. Все — кто больше, кто меньше — походили сейчас на Шэнь Ся: замерли с окаменевшими лицами. В столовой воцарилась мёртвая тишина, такая густая, что слышно было, как падает пылинка.

Долгие годы имя Ю Кана оставалось в этом доме под запретом. Никто не смел его произносить, а уж тем более — в присутствии Ю Юаня. Порой тётя Ван, поддавшись сентиментальности, готовила любимые блюда мальчика и тихонько вздыхала, вспоминая о нём, но даже к ней — самому близкому человеку — Ю Юань не проявлял снисхождения: он мог вспылить, разбить тарелку и уйти, хлопнув дверью. Боль Ю Цзюня от потери сына растворилась в вине. Раньше, напиваясь, он в одиночестве плакал в саду, никогда не делясь своей скорбью. Позже он молча основал благотворительный фонд имени Ю Кана, ежегодно вкладывая в него огромные суммы. Лишь когда дело было налажено, он рассказал об этом Ю Юаню, поручив ему заботиться о фонде. Отец считал, что не справился со своими обязанностями, и это было последним, что он мог сделать для сына.

Смерть младшего брата стала незаживающей раной для всей семьи. Казалось бы, Ю Юань, разделявший это горе, не должен был так жестоко беречь старые шрамы. Но, услышав, как Чжоу Шэннань, пряча яд за вежливыми словами, унижает Шэнь Ся, он не выдержал. Она, мать, имела наглость использовать смерть младшего сына как инструмент давления, злонамеренно истолковывая его поступки и не чувствуя ни капли вины или раскаяния.

Поэтому он решил высказать всё прямо здесь, при всех. Глядя на оторопевшую Чжоу Шэннань, он заметил её шок и досаду: она лишилась козыря, которым привыкла манипулировать старшим сыном. Сам же Ю Юань внезапно почувствовал, как гора свалилась с плеч.

Возможно, всё это время он сам не мог до конца признать очевидное.

Ю Цзюнь залпом осушил бокал и глухо спросил:

— Зачем ты сейчас об этом?..

Вопрос задал отец, но Ю Юань пристально смотрел на Чжоу Шэннань.

— Человека нет, и это факт, — спокойно ответил он. — Мне пора это отпустить.

— Хорошо, что ты так думаешь, — отозвалась та.

— Твоя заслуга. — С этими словами Ю Юань отложил палочки и, взяв Шэнь Ся за руку, поднялся. — Идём в комнату, поможешь мне собрать вещи.

Комната Ю Юаня располагалась на втором этаже — он занимал его целиком. Едва переступив порог спальни, он закрыл дверь и, раскрыв пустой чемодан на полу, молча опустился на край кровати, погрузившись в свои мысли.

Шэнь Ся бегло осмотрел обстановку. Интерьер был выдержан в холодных тонах: тёмно-серый текстиль, глубокие синие шторы, мягкий ковёр на полу. Под телевизором на стене аккуратно теснились игровые приставки, джойстики и стопки дисков. Напротив стояли два бескаркасных кресла.

В комнате царил стерильная чистота, даже на покрывале не было ни единой морщинки — здесь явно тщательно убирались. Но именно из-за этого порядка комната казалась нежилой, лишённой тепла. Сдутый баскетбольный мяч, заброшенный под журнальный столик, лишь подчёркивал это одиночество.

Шэнь Ся не понимал, злится Ю Юань или просто подавлен. Он подошёл ближе и нерешительно раскрыл объятия, желая хоть как-то утешить его. Ю Юань тут же прильнул к нему, уткнувшись лбом в живот Шэнь Ся, и лишь спустя долгое время глухо проговорил:

— Ю Кан был твоим ровесником. Будь он жив, сейчас тоже учился бы в университете. Может, вы даже стали бы сокурсниками. Но в жизни нет сослагательного наклонения. Он оборвал её очень решительно. Я видел это собственными глазами и ничего не успел сделать.

Должно быть, они были очень близки. Самоубийство брата, произошедшее на глазах у Ю Юаня, наложило неизгладимый отпечаток на его душу.

Шэнь Ся, подражая привычному жесту Ю Юаня, мягко коснулся его затылка, согревая ладонями мышцы шеи.

— Жизнь была для него сплошной мукой, — продолжал Ю Юань. — И корнем этой муки был я. Если бы я не заболел, его бы не зачали «с целью». Ему не пришлось бы пятнадцать лет страдать — и физически, и душевно.

Сердце Шэнь Ся болезненно сжалось. Он приподнял лицо Ю Юаня за подбородок и, не в силах сдержать эмоции, издал невнятный, полный тревоги звук:

— Болел?

— Острый лимфобластный лейкоз. Диагноз поставили, когда мне было два года. Чтобы я выжил, требовалась пересадка стволовых клеток. Самым быстрым способом было завести ещё одного ребёнка и взять пуповинную кровь. — Заметив, как тревога на лице Шэнь Ся сменяется ужасом, Ю Юань слегка сжал его талию. — Меня вылечили, не нервничай. Я каждый год прохожу обследование только ради их спокойствия, и результаты отличные. Рецидивов нет, лечащий врач давно признал меня здоровым.

Шэнь Ся с облегчением выдохнул, чувствуя, как уходит напряжение. Теперь он понимал, откуда росло это особенное отношение Ю Юаня к брату и почему тот говорил, что хранит свою жизнь ради него.

Ю Юань притянул его ближе.

— Ю Кан родился вне планов Чжоу Шэннань. К тому же из-за моих проблем со здоровьем всё внимание семьи невольно было приковано ко мне. Ему всегда доставались лишь крохи заботы. Даже то, что он оглох после высокой температуры — последствие того же недосмотра. Со временем психологические проблемы только обострились.

Шэнь Ся быстро зажеликовал:

«Мама говорила, что в многодетных семьях кто-то всегда обделён вниманием. Родители не специально».

— Это если родители нормальные, — Ю Юань помрачнел. — Чжоу Шэннань нельзя назвать нормальной матерью.

Когда она забеременела первым сыном, они с Ю Цзюнем на равных управляли огромной бизнес-империей. Она была успешной, самоуверенной и привыкла к триумфам. Роль матери в её представлении тоже должна была быть безупречной. Но после болезни Ю Юаня её материнская любовь трансформировалась во что-то пугающе искажённое.

Она сосредоточила на старшем сыне всю свою жизнь. Контролировала каждый глоток воды, каждую ложку еды, высчитывая нутриенты до миллиграмма. В доме постоянно дежурили диетологи, личные врачи и три няни, ходившие за Ю Юанем по пятам. Летом она вставала по восемь раз за ночь, боясь перегрева, зимой дрожала над каждым чихом, вызывая скорую помощь по малейшему поводу. Даже когда болезнь давно отступила и в доме появился младенец, нуждавшийся в заботе, Чжоу Шэннань видела только старшего сына.

Однажды ночью она в забытьи сидела у постели Ю Юаня и сказала мужу: «Если бы я могла поместить сына в инкубатор и держать там всю жизнь, чтобы видеть его каждую секунду и знать, что он в порядке, я бы отдала любые деньги». Ю Цзюнь пытался водить её к психотерапевтам, но она стояла на своём: она не больна, просто слишком любит сына.

Шэнь Ся с трудом подобрал слова, на лице его отразилось сложное чувство:

«И сейчас так же?»

— Как видишь, она впала в другую крайность, — ответил Ю Юань. — Теперь она стремится полностью контролировать мою жизнь. Каждый мой шаг должен соответствовать её плану. Это не просто желание видеть сына успешным. Ей нужен придаток, лишённый собственного мнения. Живой и послушный.

Шэнь Ся признался:

«Теперь понятно, почему я её побаиваюсь».

Ю Юань негромко рассмеялся:

— Я в детстве тоже её боялся.

То, что Ю Юань мог говорить об этом с улыбкой, тронуло Шэнь Ся до глубины души. Он понимал: Ю Юань открывает ему самое сокровенное, то, что долго копилось внутри, чтобы между ними не осталось недомолвок. Но за этим рассказом, помимо ужаса, Шэнь Ся чувствовал огромную жалость к обоим братьям.

Даже если в основе лежала материнская любовь, попытки растоптать личность и свободу ребёнка ради контроля — это ненормально. Ю Кан и так чувствовал себя лишним, а тут ещё и болезненная одержимость матери старшим братом. Неудивительно, что с годами давление общества и внутренний надлом привели его к роковому решению.

Шэнь Ся горько вздохнул:

«Глухие люди очень чувствительны, они остро считывают чужие эмоции. Каждому хочется быть сильным, но это так трудно... Слабость — не его вина. Я понимаю Ю Кана. И, возможно, для него это действительно стало освобождением».

Шэнь Ся коснулся ладонями щек Ю Юаня, тихо прошептал:

— Не г-грусти.

— Я знаю, что он освободился. Я не грущу, просто рассказал тебе об этом не просто так. — Ю Юань выдохнул и, усадив Шэнь Ся к себе на колени, серьёзно посмотрел на него. — Я рассказал тебе о брате, потому что боюсь: однажды ты услышишь это от других и решишь, будто в моих чувствах к тебе есть какой-то подтекст или тень прошлого. Я не терплю фальши. Ты должен понимать: ты — это ты, он — это он. Я заметил тебя, потому что вы оба не слышите, но полюбил я именно Шэнь Ся.

Шэнь Ся покраснел и смущённо замахал руками:

«Брат, я догадывался, к чему ты клонишь. В тот день, когда тётя Чжоу приходила к тебе в общежитие, я как раз вернулся с кашей и подслушал несколько фраз. Признаюсь, в тот момент я засомневался: вдруг ты добр ко мне только из-за памяти о брате».

Ю Юань прищурился:

— Так вот почему ты тогда выглядел так, будто лимон проглотил.

Шэнь Ся глуповато улыбнулся:

«Не ругайся, я иногда туго соображаю. Услышал — и сразу принял на веру. Потому и спросил тебя тогда о том странном случае... Но раз ты так поступил, я бы совсем дураком был, если бы продолжал сомневаться. Не ожидал, что ты сам расскажешь. Раз уж мы решили быть вместе, давай будем честны друг с другом. Я тоже буду говорить тебе всё как есть».

— Соображаешь ты и впрямь туговато, — Ю Юань шутливо потянул Шэнь Ся за щеку и с лукавой ухмылкой добавил: — И когда это я соглашался быть с тобой «вместе»?

Шэнь Ся замер в недоумении:

«Разве нет?»

— А разве да? — невозмутимо парировал Ю Юань. — Вспомни-ка: ты просто выдал утвердительное предложение. О чём ты меня спрашивал? На что я должен был отвечать?

Шэнь Ся хлопнул себя по лбу. От волнения он забыл самую важную фразу! Он уже собрался было повторить всё сначала, на этот раз правильно, но Ю Юань перехватил его ладони.

— Сегодня я был с тобой предельно честен. И ты угадал лишь наполовину: я заговорил не только потому, что Чжоу Шэннань вывела меня из себя. Но и потому, что ты оказался очень смелым. Одной фразы «ты мне нравишься» достаточно. Я вручаю тебе себя — твоего честного и открытого парня. А брать или нет — решать тебе.

Ю Юань сжал его руки, и в уголках его глаз собрались весёлые морщинки.

— Шэнь Ся, ты будешь моим парнем? Только не надо жестов. Если согласен — просто поцелуй меня. Вариант «нет» не рассматривается.

Конечно же, «да»! Шэнь Ся обхватил его за шею и быстро прикоснулся губами к уголку его

рта. Находясь в чужом доме, под незримым прицелом камер Чжоу Шэннань, он чувствовал себя воришкой, и его смелость сжалась до размеров макового зернышка.

Ю Юань добавил уже серьезнее:

— Раз уж ты согласился, давай сразу установим правило: ты должен говорить мне обо всём. О радостях, о печалях, и особенно о том, что тебя расстраивает. Возникнет недопонимание — обсудим. Появятся разногласия — сядем и договоримся. Любые трудности будем решать сообща. Главное — не копи всё в себе.

Шэнь Ся неистово закивал.

— Я уже потерял брата, — тихо произнёс Ю Юань. — Я не могу потерять ещё и тебя.

<http://bllate.org/book/17546/1713570>